

Валентин Бажанов

**«Вне логики времен...»
Антиглобализационные тенденции
и факторы в России**

Введение

Тенденции к глобализации в мировом развитии достаточно выражены в последние десятилетия и особенно стали очевидными после трагических событий 11 сентября 2001 года. Эти тенденции затронули и Россию. Стоит только вспомнить, например, мировой финансовый кризис и тот факт, что в августе 1998 года он поразил и Россию; надо задуматься о падении цен на нефть осенью 2001 года и отказе России в полной мере поддержать сокращение добычи нефти, предложенной ОПЕК, что немедленно повлекло дальнейшее снижение цен.

Факторы глобализации заметны во многих сферах жизни современного россиянина: он имеет возможность потреблять те же напитки, что и его западные и восточные соседи, питаться теми же продуктами, которыми питаются они, он более или менее свободно может путешествовать по глобальной системе Интернет, у него те же самые, что и у остального мира, кумиры в искусстве, он подвержен той же моде, он пристально следит за курсом валют и динамикой фондового рынка. Мир к началу XXI века как бы становится существенно более однородным, нежели каких-нибудь полвека назад. Более того, допустимо говорить и о предпосылках формирования некоторого рода глобальной этики. Можно ожидать, что по мере технологического прогресса человечества тенденции к глобализации будут только усиливаться и соответственно будет изменяться технологический фундамент общества. Однако ряд факторов препятствует развитию тенденций к глобализации в случае

России; более того, после августовского кризиса степень, так сказать, глобализации России уменьшилась, процесс потек вспять. И дело не только в том, что этот кризис крайне неблагоприятно отразился на соотношении рубля и доллара (при фактическом сохранении абсолютных размеров заработной платы, выплачиваемой подавляющему количеству россиян). Дело, по-видимому, в действии иных, не только экономических и (или) международных институциональных, факторов. Несмотря на неравномерность развития различных регионов России и темпы протекающих в них реформ, а также неравномерность реформирования различных сторон и институтов общественной жизни, можно говорить о факторах, которые носят всероссийский характер и имеют силу для всей федерации, препятствуя созданию и принятию тенденций к глобализации.

Какие же факторы (в том числе в духовной сфере) и социальные институты препятствуют тенденциям к глобализации России? Какова их динамика в общероссийском и региональном масштабах? Насколько они устойчивы? Какова предположительно длительность их действия? В какой мере они могут задерживать движение России по направлению к ее вхождению в мировое – глобальное – сообщество? Некоторые гипотезы будут высказаны и варианты ответов будут даны в настоящей статье.

Методологические основания и подходы

Вслед за А. Аппандураем в обществе (государстве) можно выделить этносферу, медиа-, или инфо-, сферу, техносферу, идеосферу и финансовую сферы¹, которые в первую очередь подвержены глобализационным тенденциям. Полагаю, что деление Аппандурая в случае России должно быть дополнено (во всяком случае для целей настоящего анализа), и поэтому имеет смысл также выделить политикосферу, этикосферу, психосферу и персоносферу.

Под **политикосферой** понимается сфера отношений между государством и обществом, партиями и обществом, – все, что относится к текущей политической жизни. Под **этикосферой** понимается сфера моральных норм, традиций и обычаев, которые присущи данному обществу (государству).

¹ A. Appadurai, *Modernity at Large. Cultural Dimensions of Globalization*, L., 1997.

Под **психосферой** понимается сфера, относящаяся к психологическому климату, свойственному членам общества, гражданам данного государства, их психологическому складу и интенциям. Под **персоносферой** понимается сфера, состоящая из совокупности лиц, слагающих данное общество, и преобразующая мир с помощью энергий своих психических доминант.

В российском обществе сопряженность этих сфер с процессом глобализации, как будет показано ниже, оказывается весьма значительной. Понятно, что границы между этими сферами весьма условны и подвижны.

Анализ глобализационных тенденций в современной России нами строится, исходя из того в общем-то достаточно очевидного факта, что, как подмечали еще Ф. Бродель и Н. Конрад, история дает множество оснований говорить о достаточно высокой степени «синхронизации мирового развития». Даже если речь идет об изолированных обществах и человеческих популяциях, как, например, в случае Америки, оторванной от Евразийского массива, то развитие в определенных аспектах отличалось лишь темпом, своего рода сдвигом фазы, но не собственно его содержанием². Тем не менее, темп развития иногда оказывался решающим фактором, помещавшим общество в авангард либо в арьергард мирового прогресса. Антиглобализационные тенденции как раз и относятся к тем факторам и реализуются теми институтами, которые вынуждают общество эволюционировать в замедленном темпе, что называется – плестись в хвосте прогресса. Такого рода развитие обычно характеризуется как «застой».

Если ныне авангард развития определяется как приближение к компьютерной демократии (*digital democracy*), то застой общества относится к доминированию традиционных общественных структур, институтов и ценностных установок, способствующих сохранению их архаического содержания и (или) регенерации ранее пройденных фаз реархаизации. Именно здесь и имеет наибольший шанс проявиться зависимость общественного развития от своих предшествующих стадий (*path dependance*). Иными словами, движение по направлению к открытому обществу тормозится, и общество продолжает в тех

² Капица С. П., Курдюмов С. П., Малинецкий Г. Г. *Синергетика и прогнозы будущего*. – М., 1997.

или иных моментах оставаться в казалось бы преодоленной фазе закрытого общества.

Гипотеза

Мы предполагаем, что основными факторами и институтами, препятствующими процессу глобализации в России, являются те, которые относятся к элементам архаики в развитии российского государства, воспроизводимым в его различных фазах (включая советскую) и коренящимся в едва ли не всех сферах жизни общества – идео-, техно-, политико-, этико-, психосфере и т. д., специфике этносферы (прежде всего национально-административном делении современной России) и финансовой сферы, которая радикально разделяет Россию и остальной мир (предоставляя лишний аргумент в пользу некоторой справедливости позиции своего рода «экономического детерминизма»). Эти элементы архаики играют роль своеобразных аттракторов, консервирующих состояние российского общества.

Идеосфера: «Россия вне логики времен...»

Идеосфера России на протяжении едва ли не нескольких столетий во многом определялась действием различных противоположных, антиномических начал. С одной стороны, настороженностью и часто неприятием каких-либо внешних (иностраннных) влияний и ценностей, а с другой – неосознанным поклонением им и желанием приобщиться к этим ценностям. С одной стороны, фетишизацией государства, подавлявшего отдельного человека (ярко выраженный социальный реализм), с другой – пренебрежением к государственным законам, отчетливым социальным «анархизмом». С одной стороны, нелюбовью к инородцам, а с другой – готовностью им подчиниться и следовать их воле («Велика и обильна Русь, но нет на ней порядка. Приходите и княжьте здесь»). С одной стороны, стремлением к изолированности и оторванности от остального мира, а с другой – паразитической открытостью этому миру и способностью впитывать чужие идеи. С одной стороны, поклонением прошлому (недаром тема героизма советского народа в Великой Отечественной войне 1941-1945 годов с едва ли не постоянной интенсивностью звучит и поныне), а с другой – короткой памятью (коммунисты значительной частью россиян почи-

таются за патриотов и весьма популярны среди населения, а схожая с нацистской свастика баркашовцев у многих граждан России не вызывает напрашивающихся аналогий). Между этими полюсами и архетипами пульсируют компоненты идеологического процесса в России.

Характер этой пульсации таков, что в разные времена и в зависимости от различных обстоятельств центр тяжести смещается то в одну, то в другую сторону. В настоящий момент, например, достаточно выражены тенденции к своеобразному цивилизационному изоляционизму. Они выражаются в возрождении идеологии евразийства, согласно которой российские земли от Балтики до Тихого океана рассматриваются как особая, не европейская, западная, и не азиатская, восточная, цивилизация. Русская идея в преломлении философии российской истории предстает скорее не в виде идеи, имеющей отчетливый эсхатологический оттенок, когда ее смысл связан с обозначением условий и механизмов поиска гомогенной коммюнитарности народов и братства людей, населяющих территорию России, а в виде желания наделить Россию специфическими чертами и Азии, и Европы, определяющими сугубую самобытность российской цивилизации. Понятно, что водораздел между западниками и славянофилами проходил по линии выбора этих механизмов и условий.

Западники, как известно, усматривали магистральный путь развития России, как правило, в следовании западным нормам самооценности личности, ее свободы, обеспечении технологического прогресса и культивирования в России образа жизни и действия, отвечающего рационалистической традиции. Они верили в единство исторических закономерностей, экономических законов и социальных технологий, имеющих силу для всех стран и народов. Славянофилы же связывали с Россией некую мессианскую функцию, главное назначение которой должно было состоять в обновлении обветшавшей Европы мощным нравственным потенциалом, сохранным православием, в восстановлении «подлинного» христианства, торжества духовности над приземленными материальными интересами.

Евразийцы в известной степени продолжали линию славянофилов, хотя и расходились с последними в оценке некоторых краеугольных моментов российской истории. Так, монголо-татарское иго ими расценивалось как необходимый и положительный этап государственного строительства,

восходящего к империи Чингисхана, а переворот 1917 года как историческая веха, когда Россия порывает с чуждыми ее природе европейскими корнями и – наконец! – вступает на путь самостоятельности и реализации самобытного характера развития. Русская идея должна была уступить место евразийской идее, в основе которой лежал интеграционный потенциал православия, питающий идеологию этатизма, обеспечивающую всеединство народов России и ассимиляцию их прежних духовных устремлений. Так была воплощена в жизнь идея соборности, восходящая к Хомякову и Киреевскому и развитая В. Соловьевым.

Современные евразийцы (или близкие к ним по умонастроению мыслители) склонны противопоставлять Россию западному миру. Так, А. С. Панарин в своей программной книге «Реванш истории: российская стратегическая инициатива в XXI веке» проводит мысль, что Россия на пороге того, чтобы предложить миру новые «морально-религиозные решения» и «открыть новую постэкономическую формацию», стержнем которой является экологическая аскеза и которую Запад оказался открыть не в состоянии³. Основанием новой формации будет, по мысли автора, служить стихийный народный консерватизм, который и явится опорой новой духовной реформации, когда «нищета должна снова превратиться в добродетель» и произойдет рождение нового постэкономического человека, а Россия предложит народам Евразии «новый мощный мироустроительный синтез». Постоянные срывы России буквально на пороге технических и технологических модернизаций, как считает автор, вынуждают россиян искать благополучие не в попытках во что бы то ни стало войти в «золотой миллиард» технически совершенной и технологически процветающей, но бедной духовно, части человечества, а на путях построения «народного капитализма», пропитанного ригоризмом нравственного принципа. Сила России, подчеркивается в книге, в религиозно-эсхатологическом воодушевлении, и во многом поэтому будущая русская культура будет мобилизационного типа, когда Святая Русь вернется в результате постындустриального покаяния. В этом, собственно, и состоит «реванш истории», возвращение России на «круги своя», в лоно цивилизации этикоцентричного типа⁴.

³ Панарин А. С. *Реванш истории. Российская стратегическая инициатива для XXI века*. – М., 1998.

⁴ V.A. Bazhanov, *A Note on Panarin's "Revansh Istorii"*, „Europe-Asia Studies“, 1999, vol. 51, No 4.

Симпатизируя идеологии евразийства, А. С. Панарин настаивает на неделимости евразийского пространства и особой цивилизационной роли России на необъятном пространстве, которая навязывается ей *par excellence*. Рассуждая об этом, он утверждает существование общего архетипа славянской культуры. Такого рода умонастроения особенно рельефно проявились в период югославского кризиса весной 1999 года. Значительная часть российского общества в результате действий НАТО в отношении Югославии довольно активно выражала антиамериканские и антизападные настроения, солидарность с братьями-славянами, с которыми Россию связывают общие религиозные ценности, противостояние «тевтонской», западной цивилизации, постоянно попирающей свободы и права славянских народов и созревшей для того, чтобы пересмотреть сложившийся после Второй мировой войны и устойчивый миропорядок в свою пользу.

Это был повод вновь идентифицировать Россию как особую незападную цивилизацию, как осажденное государство, жизненные интересы которого охватывают и Балканы и которому постоянно угрожает внешнее вторжение. Сегодня Сербия, а завтра Россия – такие параллели невольно возникали в сознании россиян. Принцип первенства политики по отношению к экономике, довлевший над развитием СССР на протяжении 70 лет, доминирование идеологии над прагматическими соображениями, уступившей было место последним в начале 1990-х гг., вновь вдруг разом ожили. Идеосфера напряглась, вышла на авансцену обыденной, каждодневной жизни россиян. Оболочка идеосферы сузилась до России (самое большое – славянского мира) и заслонила ощущения глобальности существования знакомым пожилому поколению ощущением присутствия в «осажденной крепости», когда весь мир «против нас».

Возникшее в последние годы напряжение между православием и мусульманством (войны в Югославии, Чечне, Афганистане) расшатывает устои архаичности (а стало быть, стремления к замкнутости) российского общества, поскольку подрывает основы существования монолитного сознания⁵. Позицию России в отношении антитеррористической акции Западной коалиции в Афганистане катализируют антиамериканские и

⁵ Поляков Л. В. *Путь России в современность: модернизация как деархаизация*. – М., 1998.

антиглобалистские настроения среди военных, привыкших видеть своего главного противника на Западе, и среди прокоммунистически настроенных слоев населения, оценивающих солидарность России с действиями Запада как фактор ослабления державности страны и дальнейших уступок на постсоветском пространстве.

У России нет ныне ни общенациональной идеологии, ни даже идеи. Поэтому ее идеосфера весьма далека от гомогенности и может быть развернута в любом направлении, в том числе отвечающем идеологии глобализма. Однако до событий 11 сентября 2001 года идеосфера по своему содержанию тяготела к советской эпохе. После этих событий президент России попытался круто переориентировать ее в сторону поддержки антитеррористической операции США и ее союзников (забывая в первую очередь об интересах самой России и оправдании чеченской кампании). Тем не менее, это вовсе не означает выбор идеологии западников и отказ от славянофильских мотивов политики.

Политико-, этико-, психо- и персоносфера: установки и стереотипы русского народа. Мертвый хватает живого?

Многие путешественники и мыслители (от де Кюстина до Н. Бердяева и от Хомякова до Н. О. Лосского и Г. Гачева), пытавшиеся осмыслить специфику России, отмечали черты русского народа и русской культуры, которые делали их непохожими на другие европейские народы и культуры. Эта непохожесть и обуславливала, как полагали они, особый путь России, чередование реформ и контрреформ в истории государства⁶, удивительное постоянство неудачных попыток модернизации страны и ее стремление к самодостаточности и замкнутости, сохранению многих государственных институтов. Громадные малозаселенные пространства создавали своего рода географическую «разряженность», которая вела к образованию достаточно аморфного социального пространства. Его аморфность в целях укрепления устоев государства компенсировалась созданием мощного централизованного управления, обычно предпочитавшего насилие и принуждение убеждению и развитию демократических процедур. «Целостность России при разнообразии этнического состава, –

⁶ Ильин В. В., Панарин А. С., Ахиезер А. С. *Реформы и контрреформы в России.* – М., 1996.

отмечает А. С. Кармин, – держалась на централизованной самодержавной власти, а не на единстве культуры»⁷. Такое устройство социального организма в конечном счете отражалось и на русской культуре, и на типе русской личности.

Русская культура и в известной мере мораль – мягкая. На первом плане здесь находятся неформальность, «душевные» человеческие отношения, веселье и беззаботность, щедрость и гостеприимство. Русский характер предполагает открытость души, экстремизм желаний и максимализм требований («все или ничего») ⁸. Между тем безоглядное гостеприимство русских сочетается с настороженностью ко всему нерусскому, иностранному, опасением «потерять» хотя бы пядь своей земли, вовсе не используемой и веками поросшей бурьяном и сорняками, подозрительностью к попыткам «инородного» влияния. Жалостливость русских к униженным и оскорбленным уживается с жестокостью, формируя, по мысли Н. О. Лосского, широчайший диапазон добра и зла. Разрушение зла автоматически почитается за добро, тогда как разрушение одного зла вовсе не означает насаждение добра, оно может приводить к господству другого зла. Русские достаточно толерантны к представителям различных религиозных конфессий – к лютеранам, кальвинистам, мусульманам, но испытывают недружелюбие и даже ненависть к католикам, с которыми они соприкасаются лишь эпизодически.

Уважение у русских легче завоевывается вовсе не добрыми и полезными делами, а выдающимися «человеческими качествами». Русские склонны этими человеческими качествами наделять тех, кто достиг (часто по воле случая и обстоятельств) высокого положения во власти. Власть, государство самоценны, и их фетишизация на протяжении всей русской истории определяет характер поведения и социального организма в его целостности, и отдельного русского. Не случайно царь был «батюшкой», а принадлежность к «государевым людям» означала принадлежность к высшим, наиболее доверенным слоям общества. Соответственно государственные институты отвечают задачам всемерного цементирования и реализации установок русского этатизма.

Власть между тем не склонна отвечать взаимностью тем, на кого распространяется ее юрисдикция. Зачастую она отлича-

⁷ Кармин А. С. *Основы культурологии*. – СПб., 1997. – С. 195.

⁸ Кармин А. С. *Указ. соч.* – С. 214, 238, 243.

ется антиинтеллектуализмом, даже враждебностью по отношению к интеллигенции или в лучшем случае безразличием к ее судьбе (в период начала 1990-х гг., отмеченном попыткой либеральных реформ). «Шибко умный», «больно грамотный», «гнилой интеллигент», «профессорская ученость» – языковые паттерны состояния народного умонастроения – обычно выплескивающиеся на поверхность как раз в переходные периоды исторической эволюции России. Власть самодостаточна и замкнута, сосредоточена внутри некоторой элиты (ограниченного круга лиц и кланов), и какие-либо попытки подвергнуть сомнению ее статус и подвинуть на большую открытость оборачиваются подавлением такого рода попыток, большими или меньшими катаклизмами социального организма. Герметичность власти, впрочем, вовсе не означает того, что она склонна пренебрегать достижениями, открывшими путь к глобализму. Но она не стремится распространить эти достижения «вширь», тормозит становление социальных институтов, несущих в себе заряд глобализма. Система существующей власти построена и функционирует так, что обратная связь между системой и обществом оказывается слишком слабой, чтобы власть ощущала ответственность за результаты своей деятельности. Раз отсутствует отрицательная обратная связь, то и эволюция социального организма оказывается замедленной.

Между тем русские терпеливы и не торопят до поры до времени общественные преобразования, они выносливы и неприхотливы. Их персонификация оказывается как бы нанизанной на два репера – неуемный темперамент, безудержную фантазию и энергию штольцевского типа и глубокомысленные раздумия, нерешительность и пассивность обломовского типа.

Перестройка высвободила штольцевское начало. Россияне рванулись создавать свой бизнес, налаживать свою жизнь на новом фундаменте, созданном своей собственной инициативой. Однако это оказалось не так просто. Государство чаще на словах приветствовало личную инициативу, а на деле препятствовало ее успешной реализации. Довольно скоро – за какие-то считанные годы – общий порядок жизни простого советского человека был нарушен, возникли новые, ранее невиданные возможности, в то время как старые возможности иметь сверхскромный и гарантированный заработок исчезли. Расцвел феномен безработицы. Тысячи людей потянулись

искать счастья за границей. На поверхность все больше выплескивалось недовольствие текущей российской жизнью и съезжившимся после распада СССР государством («страна дураков», «здесь никогда ничего хорошего не будет»). Ожидания начала 1990-х годов оказались завышенными, главным образом лишь те, кто был приобщен к власти или же не придерживался никаких моральных устоев и попирали нормы закона, в достаточной мере воспользовались ситуацией и составили состояния, которые старались перевести за границу. Таким образом, психосфера и этикосфера россиянина сочетают в себе недоверие к власти и ее институтам, часто открытое или скрытое желание переехать на Запад, убеждение в том, что «новые русские» составили свое богатство несправедливым путем и что богатство только таким образом в России и мыслимо составить. В то же время упование на «связи» и знакомства уступает место вере в могущество денег. Все это является благодатной питательной средой для коррупции, для пренебрежения какими-то моральными устоями, для культивирования настроений узкого утилитаризма и действий по принципу «ты мне, я тебе». Сохранение еще с советских времен различных льгот способствует пассивности и социально развращает население, привыкшее надеяться на государственную поддержку, а не на собственную инициативу и ум.

Сегодня россиянин устал ждать, устал верить бесконечным обещаниям светлого будущего. Он, как тот абориген, который не мог понять, зачем нужно в течение долгого времени пасти стада, когда животных можно зарезать и съесть прямо сейчас, отказывается понимать пользу отсроченных решений. Ему так и не повезло увидеть позитивный результат действий, которые власть именовала «реформой». Россиянину нужен быстрый эффект от внедрения любых программ. Он тоскует о порядке. Вновь растет авторитет диктатуры, Сталин начинает почитаться как деятель, который обеспечивал в стране жесткий порядок, который поднял СССР из послевоенной разрухи, а коммунисты не допускали вольностей по отношению к стране и ее союзникам, отдавшим предпочтение золотому тельцу и забывшим о благодеяниях, оказываемых на протяжении нескольких десятилетий со стороны СССР. Люди как бы забыли, какими методами насаждался сталинский «порядок», какую непомерную цену народ заплатил за сталинскую коллективизацию и индустриализацию. В такой ситуации мировой опыт реформирования экономики, политических и

правовых систем отторгается, даже пример Восточной Европы (Венгрия, Польша) не является убедительным. Политическая система России, несмотря на наличие внешних демократических атрибутов, остается (особенно на региональном уровне) авторитарной и архаичной. Она пронизана коррупцией и тесной смычкой властных структур с бизнесом, препятствующей развитию в стране конкуренции. Выборы всех уровней (особенно в республиках) сопровождаются мощными фальсификациями, которые «удобны» федеральной власти и не замечаются Центризбиркомом. Разрешение региональным «баронам» (губернаторам и президентам) баллотироваться более двух сроков подряд оказывается мощным тормозом на пути смены политических элит и консервации архаичной политической системы России.

Вера в особость России и исключительность экономических законов, необходимых для ее реформирования, уникальность русского характера и сущность государственной власти, выталкивает страну на периферию мирового процесса. Идолы прошлого возрождаются и выстраиваются на границе между Россией и остальным миром. Мертвый хватает живого.

Финансовая и медиа- (инфо-) сферы: чем определяется степень открытости России?

Такие две, казалось бы, различные сферы, как финансовая и медиа- (инфо-) в аспекте придания российскому обществу той или иной степени открытости имеют много общего. И та, и другая сфера в случае России оказываются настолько несоответствующими уровню их развития в техногенной цивилизации, постиндустриальном обществе, что они оказываются мощными факторами, определяющими степень открытости государства. Можно, наверное, вполне говорить о своего рода «разноуровневом» модусе существования и функционирования постиндустриальных и индустриальных обществ.

Если уровень бедности в США порядка 15 500 долларов дохода в год, то для России такой доход соответствует преуспеванию и даже богатству. Если средняя заработная плата в России на два порядка ниже западных стандартов, а стоимость продуктов высоких технологий (например, компьютеров) и услуг (скажем, сотовой телефонной связи) даже выше мировой, то возникает «естественный» барьер, отгораживающий одно общество от другого. Лишь незначительная часть граждан

России может позволить себе иметь дома современный компьютер, менять компьютеры по мере совершенствования их архитектуры, пользоваться Интернетом дома и т. д. Еще меньшая часть может позволить себе сотовые телефоны. В такой ситуации борьба с распространением нелегальных программных продуктов или CD-дисков, недоступных для россиянина даже среднего достатка, заведомо обречена на поражение. Россиянин, хоть однажды приобщившийся к достижениям высоких технологий, показывает чудеса изворотливости и изобретательства, чтобы угнаться за последними криками моды в области информационных услуг. Здесь культивируется целая индустрия взламывания защищенных лицензионных программных продуктов и дальнейшего их распространения по приемлемым ценам. В той мере, в какой это удается делать, Россия остается открытым обществом, точнее обществом, в котором действуют факторы открытости.

Скудость финансовых средств заставляет Россию оплачивать очень «узкий» канал Интернета на Запад. Поэтому часто требуется значительное время, чтобы зайти на западные веб-сайты, и иногда они оказываются просто недостижимыми из-за превышения ресурса времени загрузки информации.

Вообще техносфера России находится в таком состоянии, что крайне маловероятно построение сколько-нибудь развитого капитализма на базе сложившейся в стране технологической системы. Более того, эту систему невозможно быстро реконструировать⁹. Это значит, что Россия обречена на продолжительное технологическое и техническое отставание от стран «золотого миллиарда».

* * *

Финансовая сфера России, начавшая было свое становление в 1993-1994 годах, в августе 1998 года подверглась едва ли не коллапсу. Только начавший формироваться средний класс стал обзаводиться кредитными (точнее пластиковыми) карточками, предпочитая, понятно, карточки ведущих банков типа *СБС-Агро*, *Инкомбанка*, *Менатеп*, как разразился тяжелейший финансовый кризис, во многом стимулированный политикой государства, и как раз у ведущих банков,

⁹ Вальтух К. *Теоремы невозможности* // Общественные науки и современность. – 1994. – № 1. – С. 125 – 127.

вынужденных играть по «правилам» государства, были отозваны лицензии. Населению было предложено перевести вклады в государственный банк, валютные вклады – по смехотворному курсу. Деньги оказались секвестированными вновь – уже который раз! – у населения, причем самой его активной части, в наибольшей степени пожинающей плоды открытости общества. Пластиковые карточки стали служить напоминанием, что в России никому, кроме чулка, деньги доверять нельзя. Между тем никакое современное государство не в состоянии существовать без развитой банковской системы, без системы безналичных расчетов граждан посредством пластиковых денег. Население еще долго не забудет очередного обмана и предпочтет не связываться с российскими банками. Разве можно в такой ситуации хотя бы в перспективе говорить о развитии в России торговли через Интернет, о быстром обращении капитала и других атрибутах постындустриального общества, которое характеризуется высокой степенью открытости?

Есть и внешние факторы, которые поддерживают достаточно высокую степень закрытости российского общества как бы извне. Речь идет о жестком визовом режиме, который постоянно поддерживается Западом и расширяется – не без влияния последнего – за счет государств Центральной и Восточной Европы. Простому россиянину приехать издалека в Москву (Петербург, Екатеринбург, Саратов – где есть какие-то консульства), отстоять громадную очередь (иногда в дикую жару или сильный мороз, заняв очередь едва ли не с вечера) в Посольство, заплатить сумму за визу, часто превышающую его среднемесячный заработок, непросто. Интервью в Посольстве также часто носит довольно унижающий достоинство личности характер. Билет на самолет/поезд по стоимости соответствует мировым ценам. Таким образом, Запад отгородился от России экономическим «железным занавесом». Как объясняется, Запад опасается вторжения представителей российского криминалитета и тех, кто хотел бы, возможно, остаться на Западе и найти приемлемую работу. На самом деле этот «кордон» действует только относительно второй категории желающих. Криминалитет не стоит в очереди, а получает визы через туристические агентства. Следовательно, железный занавес опускается прежде всего перед рядовым россиянином.

Этносфера: мода на поиск национальной идентичности

Перестройка ознаменовалась невиданным и почти неожиданным ростом национального самосознания народов, населяющих территорию бывшего СССР. Заботы о сохранении национальных языков быстро переросли в требование национальной независимости, суверенитета, создание обособленного государства. В результате СССР распался, но едва ли не все республики, входящие в состав Российской Федерации, провозгласили свой суверенитет и объявили себя государствами, а иногда, как в случае Татарии, даже субъектом международного права, лишь ассоциированным с Россией.

Государственный статус обязывает обретать свою особую идентичность, отличную от той, которая связана с громадным пространством России. Введение федеральных округов и перенесение акцента с субъекта федерации на округ способно лишь в некоторой мере институционально затормозить движение по пути оформления государственности российских республик. Идеологи новой государственности усиленно и ищут обоснование ее целесообразности – в восстановлении якобы когда-то потерянной государственности (скажем, у Татарии такая государственность-де существовала до взятия Иваном Грозным Казани в 1452 году).

В том случае, если не существовало даже подобия древней государственности, все равно оформляется новая идеология, как правило, в духе этнократии. Так, в Башкирии (Башкортостане, как ныне эта республика официально величается) на философской конференции устраивается круглый стол на тему «Республика Башкортостан: философские основания становления новой государственности» (осень 1999). Вопросы, в каком смысле «новой» (государственности), не возникает. Есть запрос со стороны властей, своего рода социальный заказ – он и отрабатывается. Мы вновь готовы наступить на старые «идеологические» грабли и пытаемся философски обосновать целесообразность этого шага¹⁰.

Жаль, что мало кто помнит мудрые слова Ф. Бэкона о том, что «люди думают, что повелевают словами, а на самом деле часто слова повелевают людьми». Наступает момент, когда,

¹⁰ V.A. Bazhanov, *Philosophy in Post-Soviet Russia: Background, Present State, and Prospects*, „Studies in East-European Thought“, 1999, vol. 51, No 3.

казалось бы, пустые слова о государственности наполняются реальным содержанием и таковая становится реальностью.

Заключение

Если можно и усомниться в том, что Россия представляет собой особую цивилизацию, что Россия является уникальным евразийским образованием, то приходится согласиться с тем, что в ней существуют архетипы и действует множество факторов, препятствующих развитию в ней глобализационных тенденций и тормозящих ее вхождение в мировое сообщество, в «золотой миллиард». Насколько устойчивы эти факторы и живучи архетипы? В какой степени продолжительно их действие? Сможет ли Россия вырваться из их пут и все-таки подняться на уровень постындустриальной цивилизации? Будет ли в состоянии новая политическая и интеллектуальная элита России способствовать возникновению новых духовных аттракторов, организующих общество в направлении инновационного и жизнеутверждающего развития?